

пригодности нового строя, мотивированные значительными отклонениями от естественных отношений между звуками, не могли не вызвать раздражения у тех, кто усматривал в окончательном утверждении равномерной темперации самую актуальную задачу эпохи, разрешение которой гарантировало бы стабильную основу для развития музыкального языка на долгий период времени.

Противники Эйлера были безусловно правы перед своим временем, музыкально-практические и музыкально-теоретические проблемы которого им приходилось разрешать. Леонард Эйлер, достаточно далекий в своей повседневной деятельности академика от насущных проблем практических музыкантов (хоть и безусловно стремившийся обратить свои труды к их пользе), явно недооценил силу возможной реакции. Не случайно отдельные высказывания в рецензиях находились почти за гранью корректности.

Но надо отдать должное и Эйлеру. Пусть он не смог создать музыкально-теоретической концепции, которая бы отвечала чаяниям его современников в той степени, в какой это удалось Рамо, признанному еще при жизни не только великим композитором, но и великим музыкальным теоретиком. Но ему в известной степени удалось большее. Проницательным умом гениального ученого Эйлер предугадал будущие пути развития музыкального языка и наметил принципиально новые возможности для теории музыки.

Отвергая равномерную темперацию строя, Эйлер больше склонен был видеть перспективы его эволюции во введении в число строеобразующих интервалов седьмого обертона — натуральной септимы. При этом ученый сознавал, что такое нововведение неизбежно повлекло бы за собой изменение всей музыкальной системы. Мысль о натуральной септимере как следующем шаге на пути эволюции строя впервые была высказана Г. В. Лейбницем в известном письме к Х. Гольдбаху,²⁸ и до Эйлера она активных сторонников не находила.²⁹ Интервал этот воспринимался слухом как непривычный, хотя тем, кто интересовался акустическими закономерностями, было хорошо известно о его существовании.

Противниками музыкально-теоретической концепции Эйлера было высказано по этому поводу немало контрдоводов. В конечном счете все они сводились к практической неупотребительности натуральных септим. Но у данной точки зрения нашлись и свои защитники, и уже при жизни Эйлера были сделаны попытки использовать седьмой обертон. Дж. Тартини в Италии³⁰ и И. Кирнбергер в Германии³¹ ввели натуральную септимеру в нотную запись (Кирн-

---

²⁸ См.: *Kortcholt Ch. G. W. Leibnitii epistolae ad diversos < . . > auctores. Lipsiae, 1734. V. 1. P. 240.*

²⁹ Темперацию с учетом натуральной септимы ранее разработал Кристиан Гюйгенс, но музыканты сочли ее неприемлемой из-за сильных погрешностей в звучании квинт.

³⁰ См.: *Tartini G. Trattato di musica secondo la vera scienza dell'armonia. Padova, 1754.* Экземпляр своей книги Дж. Тартини выслал Эйлеру в Берлин.

³¹ См.: *Kirnberger J. Ph. Clavierübungen. 4. Sammlung. Berlin, 1766.*